

в пражнюю болезнь. Раскаявшись в своем непостоянстве и получив опять исцеление, благочестивый князь, не изменяя более обету, сочетался браком с блаженной. Мирная и благочестивая жизнь их подверглась испытанию, — они терпели изгнание и разлуку. В этой разлуке один из сопровождавших Февронию княжеских воинов, когда они плыли по реке, возымел к блаженной нечистый помысл, но она, прозрев его мысли, вразумила его добрым наставлением, — воин этот был женат. Велевши ему почерпнуть воды с одной стороны лодки и выпить, и потом то же сделать с другой, спросила: „не одна ли вода?“ — и затем сказала: „так равны и все женщины, ослепляет лишь одно безумное чувство“.

И эта запись легенды о Петре и Февронии, подобно предыдущей, во многом непохожа на „местнонародное предание“, как называет ее Н. Любоумров. Ее язык также пестрит поздними церковно-славянизмами: „блаженная“, „преданная глубокому благочестию“, „предречение преподобной“, „возымел к блаженной нечистый помысл, но она, прозрев его мысли, вразумила его добрым наставлением“ и т. п. И все же народно-поэтическую основу этой легенды отрицать нельзя. Это один из вариантов народной легенды о Петре и Февронии. Это можно подтвердить третьей, уже современной нам, записью:

„У муромского князя была на ноге рана и сильно болела; мокнет и мокнет... Он услышал, что в Ласкове дурочка хорошо лечит, поехал к ней. Полюбился он ей, она и говорит: „Вылечу я тебя, только после возьми меня себе в жены“. Он пообещал ей: хворать не хотелось. Когда она его вылечила, и взяло его раздумье: „Я мол, князь, неужто мне брать за себя замуж дурочку?“ Взял и уехал к себе в Муром, а ее оставил. Опять раболелась у него нога, пришлось опять ехать в Ласково к дурочке лечиться. Она опять ему говорит: „Вылечу я тебя, только после возьми меня себе в жены“. Делать нечего, он согласился. Вот и спрашивает ее: „Когда же мне, мол, за тобой приезжать?“ Она и говорит: „Приезжай за мной на Петров день, на санях“. Удивился он: „Как же это так, на Петров день, в такую жару и приезжать на санях?“ Пришел Петров день и ударил мороз, да такой лютый; снег выпал, и вправду поехал он за ней на санях. Посадил ее в сани, едут, а наши ласковские смеются над ней, кричат ей вслед: „Вон нашу дурочку в санях повезли с князем венчаться“. Она обернулась и говорит: „Ни болеть вам, и ни мѣнеть“. Прокляла она наше Ласково, как стоит в нем шесть дворов, так не убавляется и не прибавляется. Молодые, какие роятся, помирают. Стали ей тут молиться, праздники ее почитать, молебны служить, ну, простила она нас, стало наше село прибавляться. Она и теперь, говорят, ходит сюда богу молиться. Да знамо, мы, грешные, ее не видим, а благочестивые люди видят иногда огонек в церкви, есть у нас такие. Св. Хаврония была наша ласковская, благочестивая была, богу все молилась, а наш народ смеялся над ней, дурочкой ее считал. А она вон какая была: сама святость получила, да и мужа прославила. И сейчас растет ореховый кустик, под которым она молилась, и две ямки: следы ее от долгого стояния на коленях остались. Да бабы далеко их расковыряли: песочек все оттуда больным берут“.¹

Обе последние записи представляют собою, очевидно, варианты одной и той же легенды о Петре и Февронии. Их родство видно из совпадений

¹ Легенда записана в 1921 г. в дер. Ласкове студентами Рязанского ИГО под руководством Н. П. Сидорова и напечатана В. Ф. Ржигой (Летопись занятий Археологической комиссии за 1923—1925 гг., вып. 33, Л., 1926, стр. 145—146).